

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СИНХРОНИЯ И ДИАХРОНИЯ
В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Часть II

(отдельный отиск)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1988

14. Orbell M. Maori tales in Maori and English. Auckland, 1967.
15. Seiter W. On the syntactic character of middle objects in Polynesian.- In: S.Wurm, L.Carrington (eds.). Second international conference on Austronesian linguistics. Fasc.2. Canberra, 1978.
16. Sinclair M.B.W. Is Maori an ergative language? - Journal of the Polynesian society. 1976, 85.
17. Waititi H. Te Rangatahi 2. Wellington: Shearer, 1969.
18. Wilson W. Proto-Polynesian possessive marking. Canberra: ANU, 1982.

Рахилина Е.В.

К ТИПОЛОГИИ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Памяти Н.К.Соколовской

В настоящей статье проблемы типологии вопросительных местоимений будут рассмотрены с точки зрения теории перевода. Это вызвано, помимо соображений удобства изложения, тем, что перевод - это одно из наиболее естественных приложений теоретических положений типологии.

Многие трудности типологического описания связаны с тем известным свойством естественных языков, которое обычно определяется как "различия в членении действительности". В частности, именно эти различия делают нетривиальной задачу поиска эквивалентов языка оригинала в языке перевода. Простейшим примером такого рода может служить возможность двоякого перевода на русский язык французского слова où (куда и где) или французского pourquoi (зачем и почему). Есть языки с довольно детальным членением в этой области - таков, например, русский язык, где вопросительных местоимений и наречий сравнительно много; есть языки (таков, например, французский, а также многие другие, в частности, европейские языки - английский, польский, болгарский), где система вопросительных слов беднее, чем, скажем, в русском языке.

Совершенно ясно, что в такой ситуации перевод предложений, содержащих вопросительные слова, с, так сказать, "бедного" языка на "богатый" язык представляет значительные

трудности — необходимы специальные правила, которые обеспечивали бы здесь адекватность перехода. Предварительные исследования в этой области дают основание утверждать, что правила употребления вопросительных слов (а следовательно, и правила их выбора при переводе) не могут быть сформулированы без учета значений элементов вопросительной конструкции, находящихся в семантической сфере действия вопросительного слова.

Так например, в случае так называемых "местных" вопросов, в частности, вопросов со словами где и куда, в сфере действия вопросительного слова попадает сказуемое вопросительного предложения. Непосредственным следствием этого является то, что выбор эквивалента при переводе с языка типа французского (в котором 'где' и 'куда' выражаются одной и той же лексемой) на язык типа русского (где эти смыслы различаются) производится на основании анализа семантики глагола-сказуемого. Если вопрос задается к аргументу, заполняющему семантическую валентность на местонахождение, то в русском переводе должно быть употреблено слово где, ср. — *Où était-il né?* Где он родился? Если же вопрос задается к аргументу, заполняющему семантическую валентность на направление или конечный пункт движения, то такой вопрос требует в переводе слова куда, ср. — *Où va-t-il?* — Куда он идет? Ср. также болгарское: *Къде си загубил ключовете?* — Где ты потерял ключи?; *Къде ти беше?* — Где ты был?, но: *Къде той изпрати писмото?* — Куда он послал письмо?; *Къде той отиде?* — Куда он пошел?

Указанные факты легко объяснить, если обратиться к логико-семантической структуре вопросов с вопросительными словами локативной семантики. Такие структуры принято представлять в виде формулы $?x P(x)$, где ? — оператор вопроса (\approx 'назови (место) x , такое, что $P(x)$ '), P — предикат в сфере действия вопросительного слова, x — особого типа переменная, связанная оператором вопроса — так называемая вопросительная переменная: её значения составляют множество ответов на данный вопрос, ср. логико-семантическое представление вопроса *Где ты был?* — 'Назови место x , такое, что ты был в месте x '. (О логико-семантической структуре вопроса подробнее см., например, /1; 2; 3, с.232-245/). Являясь аргумен-

том предиката P в формуле $?x P(x)$, вопросительная переменная соответствует в его структуре (незаполненным) семантическим переменным определенной - в нашем случае локативной - семантики. Таким образом, построение ответа на местный вопрос фактически сводится к замещению локативной семантической переменной в структуре глагола, к которому задается вопрос. Таков общий принцип синтеза ответов на локативный вопрос. Он верен для любого языка и основан на принципиально сходном для всех языков логико-семантическом представлении вопросительных предложений. Различие же между языками типа французского и типа русского заключается в том, какие ограничения накладывает система вопросительных слов данного языка на процедуру замещения семантических переменных глагола вопросительной переменной. Чем беднее система вопросительных слов, тем меньше в языке ограничений на то, какую валентность предиката может заполнить вопросительная переменная; в предельном случае единственное вопросительное слово заполняет любую локативную валентность¹. Если же "местных" вопросительных средств много - как в русском языке (ср. где, куда, откуда, на чем, из чего ...), то за каждым из них закреплено подмножество соответствующего множества семантических переменных. Так, в вопросах с куда в русском языке вопросительная переменная заполняет в основном (локативную) валентность конечного пункта движения, в вопросах с откуда - в основном валентность исходного пункта движения и т.д.

Фактически, такой способ представления вопросов с вопросительными словами может служить своеобразной семантической моделью разного членения данного фрагмента действительности и, в частности, объясняет общий принцип подбора переводных эквивалентов в приведенных выше и подобных им примерах.

Остановимся теперь на некоторых трудных случаях анализа вопросительных предложений.

I. Вообще говоря, в структуре одного и того же глагола может быть несколько разных локативных семантических переменных - например, переменная траектории, по которой движется тело, и переменная конечной точки движения. В языке с богатой системой вопросительных слов эти переменные

обычно попадают (или, по крайней мере, могут попадать) в разные подмножества, так что при замещении их вопросительной переменной будут получаться разные вопросы, ср. русское Где ты шел? и Куда ты шел? Естественно задать вопрос, как выражаются такого рода противопоставления в языках, в которых, вообще говоря, не предусмотрено средств для их выражения — то есть в языках с бедной системой вопросительных слов.

Во-первых, в таких случаях может использоваться специальное (неэлементарное) вопросительное средство, например, имеющее вид словосочетания, заполняющего недостающую клетку в системе вопросительных слов. Так, во французском языке вопрос с où может пониматься и как вопрос о траектории, и как вопрос о конечной точке движения (ср. русский язык, в котором на вопрос куда? нельзя ответить описанием пути движения), но если необходимо специально указать на то, что в ответе требуется именно описание пути, то есть подчеркнуть различие между траекторией и другими семантическими переменными, то используется сочетание par où.

Во-вторых, простота системы вопросительных слов может быть компенсирована за счет сложности системы глагольной лексики. Так, в болгарском языке существует несколько различных глаголов, соответствующих одному русскому глаголу идти, в частности, глагол отивам, имеющий валентность на конечный пункт (цель) перемещения, и глагол вървя, имеющий валентность только на траекторию перемещения. Ср.:

(1) Къде върви той? 'Где он идет?'

През гората. 'Через лес'./* В градината. 'В сад'.

(2) Къде отива той? 'Куда он идет?'

В градината./*През гората.

Разумеется, возможны и случаи неразличения языком отдельных значений; в частности, возможна омонимия вопросов о конечной точке и траектории движения. Так, болгарское предложение Къде плува корабът? может означать как 'Куда плывет корабль?' (= 'Каков конечный пункт движения корабля?'), так и 'Где плывет корабль?' (= 'В какой точке траектории находится корабль?')².

Как видим, в случае нескольких локативных актантов при

одном глаголе необходимы особые, дополнительные правила (свои для каждой пары языков), обеспечивающие адекватность перевода.

II. Другая принципиальная сложность, часто возникающая при переводе вопросительных слов (и, в частности, вопросительных слов локативной семантики) связана с тем, что в языке перевода может существовать несколько синонимичных, а чаще - квазисинонимичных вопросительных конструкций. Например, в русском языке вопрос о причине в определенных условиях должен содержать вопросительный элемент где, ср. Где же обещанное оборудование? (\approx 'Почему нет оборудования?'; подробнее об этом типа вопросов см. /5/); вопрос о цели - вопросительный элемент почему, ср.: - Почему вы не принимаете пустые ёмкости? - Чтобы не перегружать складские помещения.

Специфическую трудность для перевода представляют те случаи, когда в определенных контекстах в языке перевода оказываются взаимозаменяемыми именно те вопросительные слова, которые в других случаях дополнительно распределены - то есть, выступают при разных глаголах и выражают разные локативные значения. Для порождения правильного текста на языке перевода необходимо, следовательно, знать варианты вопросительных слов и условия их взаимозаменяемости, составляющие специфику языка перевода. Так, в русском языке слова где и куда, в принципе, допускают квазисинонимичную замену, но только при тех глаголах, которые можно охарактеризовать как имеющие длительный результат (в особенности, содержащие компонент 'начать находиться в контакте с поверхностью'), ср. Куда/Где сел (лег, положил, прислонил ...)?, но Куда/*Где зашел (прибежал, уехал ...)? При этом варианты вопросов с где и куда даже в тех случаях, когда они взаимозаменяемы, не полностью синонимичны. Где-вопросы в таких случаях интерпретируются не как вопросы о конечной точке движения, а как вопросы о местонахождении этой точки (ср. неудовлетворительность соответствующих вопросо-ответных пар с где-вопросами в случаях, когда ответ может интерпретироваться только как указание конечной точки движения, а не её местоположения: - Где он положил кошелек? - *В кармане (в ладони, в душе ...)).

По нашим данным, противопоставление такой степени детальности (конечный пункт движения – местонахождение конечного пункта движения) является типологически крайне редким, а может быть, даже уникальным для русского языка. Отсутствие такого противопоставления, например, в болгарском языке ясно из следующих примеров:

Къде си закачал палтото?

(а) Закачал съм го на пирона.

(б) Закачал съм го в стаята.

Ср. в русском языке:

Куда/Где ты повесил пальто?

(а) Я повесил его на гвоздь/*на гвозде.

(б) Я повесил его в комнате/*в комнату.

Все сказанное, по нашему мнению, должно служить свидетельством в пользу того, что для перевода и понимания вопросов на естественном языке (во всяком случае, для перевода и понимания с той степенью адекватности, которая сравнима с человеческой) необходим семантический анализ диалога, причем анализ всех элементов вопросительной конструкции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Именно так, по-видимому, устроены некоторые африканские языки, в которых единственное вопросительное слово обслуживает все или практически все семантические переменные при глаголах движения. Заметим, что в этих языках не различается и поверхностное оформление соответствующих актантов, ср. /4, с.145/.

2. Интересно, что смысл 'Каково направление движения корабля?' (который в русском языке обычно выражается так же, как и вопрос о конечном пункте движения: с помощью слова куда), в болгарском языке выражается особым способом: На къде плува корабът?

ЛИТЕРАТУРА

1. Я.Хинтиikka. Вопрос о вопросах. – Философия в современном мире. М. 1974.
2. Н.Белнап, Т.Стил. Логика вопросов и ответов. М. 1981.

3. Е.В.Падучева. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М. 1985.
4. А.Е.Кибрик. К типологии пространственных значений. — Язык и человек. М. 1970.
5. Е.В.Рахилина. К описанию вопрос-ответного отношения. — Научно-техническая информация, сер.2, 1986, № 2.

Романова О.И.

К ТИПОЛОГИИ КЛАССИФИЦИРУЮЩИХ КАТЕГОРИЙ
В АМЕРИНДСКИХ ЯЗЫКАХ

Памяти Н.К.Соколовской

В настоящей статье рассматривается группа аборигенных языков Северной и Центральной Америки, которым свойственна нумеративная классификация имени.

Существенной особенностью строя этих языков следует признать преобладание глагольного способа выражения грамматических значений, то есть такого способа, при котором большая часть выражаемых языком грамматических значений сосредоточена в глагольной словоформе. А.Капелл в своей типологии "концептуальной доминации" [8] определяет такие языки как ориентированные на выражение действия, в противоположность языкам, ориентированным на выражение объекта. Глагольная доминация как характерная черта строя многих америндских (АИ) языков отмечалась еще на заре американистики. Один из её основоположников Д.Бринтон говорил о "высокомерном преобладании идей действия (глаголов) над идеями существования (именами) и ... подчинении последних первым в высказывании" в языках американских индейцев [6; цитируется по 23, с.239]. Эта особенность строя АИ языков неоднократно подчеркивалась в исследованиях по лингвистической типологии данного ареала, в том числе в работах последних лет [3; 32; 33]. С другой стороны, языкам североамериканских индейцев свойственны разного рода именные классифицирующие системы, помимо известной нам по индоевропейским языкам родовой классификации. Мы попытаемся по необходимости кратко описать системы нумеративной классификации в АИ языках и показать, что некоторые их формальные особен-